

Имя

Приходченко

ВСЁ ЭТО ПОИСК...

О жизни и творчестве А. И. Колодина

После яркого сентябрьского солнца полумрак квартиры приятно холодит глаза, а уютная свежесть домашней тени остужает их лишь для того, чтобы подготовить к фейерверку впечатлений. В коридоре от потолка до пола стеллажи, набитые книгами, в комнатах, куда ни глянь – всюду картины, на балконе – вырезанные из дерева скульптурки. Полотна везде, где только могут быть – поверх полок, на шкафах, прислонённые к стене. Такое первое впечатление произвело жилище одного из интереснейших художников современного Павлодара и его верной супруги – Александра Ивановича и Натальи Александровны Колодиных.

Творчество Колодина хорошо известно любителям живописи не только в Казахстане, но и за пределами страны: значительное число его работ находится в частных коллекциях США, Китая, Японии, Израиля, Германии и других стран. Картины павлодарского мастера экспонировались на многочисленных выставках в Казахстане, Китае, Германии, России, в том числе в Президентском центре культуры в Астане в 2007 году и Центре российской науки и культуры при Посольстве Российской Федерации. В 2015 году в Павлодаре успешно прошла персональная выставка Александра Колодина, посвящённая 20-летию Ассамблеи народа Казахстана. В 2016 году его персональная выставка состоялась в Академии искусства и культуры в Челябинске. В 2017 году Александр Колодин представил своё творчество в Алматы. В Государственном музее искусства РК им. Кастеева с большим успехом прошла его персональная выставка «Радость жить!». На выставке было представлено семьдесят работ, созданных в разные годы.

Республиканские журналы «Нива», «Дорогой», «Найзатас» на своих страницах неоднократно публиковали его работы. Журналиста «Дорогого» ошеломляет щедро разлитая по полотнам Колодина любовь – к жизни, к природе, к творчеству; он пишет о магии, которой наполнены его сюжетные полотна, пейзажи и даже натюрморты.

Опираясь на живописные работы А. Колодина, павлодарский искусствовед Е. Ю. Личман, проанализировавшая художественную жизнь Павлодарского Прииртышья, защитила кандидатскую диссертацию. В опубликованной в журнале «Нива» статье она делает акцент на ключевых, по её мнению, характеристиках

его живописи: «Произведения павлодарского художника А. И. Колодина, созданные в противоречивое время, открывают радость общения с образами вечной природы, завораживают фантазийностью сюжетов, удивляют неисчерпаемостью форм, раскрывают тайну красоты и гармонии мира. Сохраняя преемственность художественным традициям русской живописной школы, А. И. Колодин развивает новые тенденции в искусстве, обращая его в будущее».

«Вот так я и научился рисовать»

Жизненный путь Колодина витиеват и увлекателен, как и сюжеты его картин. Он родился в 1947 году в Сибири, на станции Дупленка, что под Новосибирском, учился на Урале, но большая часть его жизни связана с Казахстаном. Живопись Колодина стала одной из визитных карточек Павлодара.

Становление художника не было простым. Ключевую роль в формировании неординарной творческой личности Александра Ивановича сыграли учителя, встречавшиеся на жизненном пути. Как он сам пояснил, его талант – это во многом сочетание тех художников, у которых он учился.

Разговор о корнях изобразительного таланта Александр Иванович начал со школьных лет, пришедшихся на 1950-е годы. «В школу я пошёл на год позднее, чем все, – рассказывает он, – мне не хватало возраста (брали только в 7 лет, а у меня день рождения в августе) и веса (недоедал, жили впроголодь)».

Однажды в сельской школе среди учителей появился художник. «Он был пьяница (к сожалению, все они пили), – вспоминает Колодин, – страшноватенький на вид мужик, рассказывавший нам фантастические истории». У него и брал школьник Саша первые уроки рисования, тренируя навыки прямо на классной доске. По словам Александра Ивановича, он многому научился у запойного художника, ведь программа в кружке, сформировавшемся вокруг необычного преподавателя, была насыщенная: там учили и лепить, и рукодельничать, и делать новогодние украшения, и рисовать с позиций – самый широкий круг художественных навыков. «Он не был педагогом в полном смысле слова, – делится Колодин, – но был очень, очень хорошим художником».

Воспоминания Александра Ивановича, похожие на бытовые зарисовки из мемуаров, интересны сами по себе: «Ещё один интересный товарищ был, Казанцев. Он рисовал немножко, и как-то пригласил меня и моего приятеля к себе, чтобы его сыну не было скучно рисовать одному: со сверстниками веселее. Мы стали заниматься у него. Сын его был баянистом, играл хорошо, а рисовать не умел. Я помню, Казанцев поставил как-то перед нами куклу; я её нарисовал вполне похожую, приятель мой тоже нарисовал неплохо, а сын Казанцева ничего не смог изобразить. Но его отец всё равно хотел, чтобы сын стал художником, и мы ходили к нему на занятия, пока он не понял, что метод с приятелями на уроках не работает».

Ещё одна личность, сыгравшая важную роль в становлении молодого таланта – уральский художник и педагог Евгений Васильевич Никольский, основатель и руководитель изостудии Дворца культуры автомобилестроителей в городе Миассе, которой в 1975 году было присвоено звание народной. К слову, именно здесь в 1967 году молодой художник Александр Колодин впервые представил свои полотна широкой публике в числе участников коллективной выставки «Малахитовая поросль Урала»

«Он сказал: принеси мне картины, какие у тебя есть, я посмотрю, – вспоминает Александр Иванович. – Я нарисовал луну, а к ней вдобавок всяких фантастических созданий. Он посмотрел и сказал: мы таким не занимаемся, вставай за мольберт и рисуй, как остальные, самовар. Когда я пришёл, все уже давно, долго рисовали, а я раз-раз по бумаге – и готов самовар! Никольский посмотрел на это, и говорит: мне тебя учить нечему, ты уже всё это умеешь; мало того, что ты видишь мир, как художник, так у тебя ещё и фантазия такая, которая мне не дана».

Сегодня миасская изостудии Дворца культуры автомобилестроителей носит имя Никольского. Кроме того, в Миассе проводятся творческие праздники в его честь; выдающегося художника помнят в городе как настоящего подвижника культуры и мастера акварели. «Удивительный, чудесный человек, добрейшей души, – завершает Александр Иванович свой воспоминания об учителях, подводя итог времени ученичества. – Вот таким образом я и научился рисовать».

В 4 классе за отличную учёбу и примерное поведение Сашу Колодина в числе прочих наградили поездкой в Ленинград, где он посетил Эрмитаж и Петергоф. Яркие детские впечатления мальчика из глухой деревни, из голодных бараков, вдруг прикоснувшегося к прежде невиданной, необыкновенной красоте, по словам Натальи Александровны, навсегда остались в памяти. Из них родилось желание найти себя, «вытащить» себя, дать возможность развиваться. Это и легло в основу мировоззрения будущего художника.

«Всё это поиск»

После школы настала пора долгих метаний. Живопись стала для Колодина делом всей жизни далеко не сразу, долгое время оставаясь одним из множества увлечений разностороннего юноши.

Александр Иванович стал работать рано, в 15 лет. Трудовой путь он начал в 1962 году на Уральском автомобильном заводе в Миассе, в то же время учась в вечерней школе и успевая уделять внимание разным искусствам. Живопись была тогда лишь одним из них. Главное место среди хобби молодого человека занимал театр, который оказался в жизни Колодина большой главой. Работая на заводе, молодой художник участвует в работе театральной студии Ёжикова при Дворце культуры автомобилестроителей. «Обычно мне доставались роли негодяев, – иронизирует над собой Александр Иванович. – Фактура такая, не герой-любовник».

Несмотря на отнимавшие время разносторонние интересы, молодой художник работал хорошо и стал бригадиром, поэтому после окончания «вечерки» получил направление на рабфак: как передовика производства его отправили в Челябинский политехнический институт, где он поступил на экономический факультет. Началась студенческая жизнь. Всё время учёбы было проведено в активном творческом поиске: как рассказала Наталья Александровна, супруг постоянно занимался в театральных студиях, рисовал, писал стихи, выпускал стенгазеты.

Учась в институте, он занимался в театральной студии Анатолия Морозова, всерьёз увлекшись пантомимой. «Замечательный человек! – вспоминает Александр Иванович. – Его театр был известен, о нём много писала пресса». По словам Колодина, в ту пору в моде были стэмы (СТЭМ – студенческий театр эстрадных миниатюр. – *Прим. ред.*), но студия Морозова была не просто студенческим, а настоящим театром – со своей программой. «Попасть туда было

столько желающих! – делится художник. – Вот и один артистичный парень из нашего института тоже пошёл на пробы – и не прошёл! А я сказал: пойду и пройду. И прошёл на актёрское – один из двух поступивших! И это при том, что на театральный факультет всегда большой конкурс!» Здесь начинающему театралу пригодились навыки художника: он охотно помогал делать всё, что требовалось для спектаклей.

Завалив на втором курсе экономфака во время сессии экзамен по математике студент отправился в стройотряд – «денежку заработать», как выразилась Наталья Александровна: «жрать-то не на что». Вернулся из стройотряда – и опять не сдал. Руководство вуза пошло навстречу, дало возможность заниматься дальше: учёбу продлили. «А он решил: чего-то я не туда иду, – рассказывает о муже Наталья Александровна. – Ещё поработал, ещё помывкался туда-сюда – и по совету друзей пошёл учиться в другое заведение, в Индустриально-педагогический техникум на мастера производственного обучения, по окончании которого некоторое время преподавал технологию швейам-мотористкам».

На удачу хорошую актёрскую игру Колодина в роли отрицательного персонажа заметил известный режиссёр Владимир Герасимович Резвый, в 1974 году набиравший студентов на кафедру театральной режиссуры в Челябинском государственном институте культуры. Александр Иванович вспоминает: «Одна девушка из студии говорит, мол, я пойду к ним в театр поступать, как раз этот режиссёр набирает к себе, только к нему пойду! Она три раза пыталась поступить к нему, но не получалось – не принимают, и всё тут. Оно и понятно: девушек в театральном всегда было много, а штанов мало». Уже имея успешный опыт в этом деле, амбициозный 28-летний студент сказал: «А я – запросто» и поступил.

Очередным забавным воспоминанием Александр Иванович делится с искренним смехом: «После экзамена вдруг называют тех, кто остаётся мыть полы – и среди них я! Как я обиделся: ничего себе, пришёл поступать, а тут пол мыть заставляют! Но тут же заметил, что все остальные смотрят на нас, названных, с завистью. Оказывается, полы моют как раз те, кто прошёл первый тур! Вот уж второй тур – я сижу и жду: позовут меня мыть полы или нет? Точно! Меня опять называют!»

По словам Натальи Александровны, живопись Колодина студенческих лет имела в первую очередь прикладной характер. Так, все курсовые работы требовали художественного оформления, буквально как рукописные книги; сюда же можно отнести и наглядные пособия для занятий. Много по части художника он делал, помогая девчонкам-однотруппницам перед выпускными спектаклями: рисовал эскизы костюмов, декораций, потом сколачивал их для себя и сокурсниц, много мастерил.

Среди тех, кому были в помощь разносторонние таланты рукастого студента, была и его избранница, учившаяся на втором курсе факультета библиотечного дела: для неё он оформлял рисунками учебные и библиографические пособия, практикуясь в графике. Познакомившись осенью 1974 года, Александр Иванович и Наталья Александровна уже не расставались. «Любимая женщина становится для художника крыльями, – признаётся Колодин. – Сложно жить, пока ты не обретёшь их. Я свои обрёл сразу, вот они», – говорит он, указывая на супругу.

Рисовал Александр Иванович в это время больше по необходимости: эскизы, наброски, курсовые работы, даже роспись стен в общежитии – всё, чем можно

было заработать. Для себя, «для души» Колодин создавал гротескную графику, многое из которой не сохранилось.

По окончании вуза Александр Иванович, уже с женой и ребёнком, переехал в Павлодар, где занял должность заместителя директора русского драматического театра, известного горожанам как драмтеатр Чехова. По его словам, он должен был заведовать «творческой стороной работы», ему обещали дать режиссуру, но насущные проблемы театра были далеки от вопросов искусства: «Труппа с руководством была на гастролях в это время, а я как папа Карло работал над обустройством театра: механизмы сцены есть, а смотровой ямы нет, окна стоят все разбиты. Этим и занимался, всё своими руками». Коллеги предупреждали молодого начальника, что директор по возвращении не будет в восторге от не-санкционированных перемен: «Он приехал – ему действительно не понравилась моя активность, и у нас просто не пошло». Из театра Александр Иванович ушёл работать в управление культуры. Большую роль в разрыве отношений с драмтеатром Чехова сыграла и сильная неприязнь коллектива к новому заму, порой доходившая до опасных масштабов.

Тем не менее, «театральный след» в живописи Колодина глубок. «Театральный художник мыслит абсолютно по-другому, – объясняет он. – Он должен из ничего создать что-то такое, чтобы это запомнилось зрителям. Задача непростая, и выполнить её может лишь настоящий художник: простыми средствами добиться огромного впечатления. Зритель смотрит на сцену, только лишь на сцену – и видит на ней дворец, хотя перед ним обыкновенные картонки! Да и мало поставить разрисованные картонки – надо создать атмосферу того времени, в котором происходит действие. Это очень сложно и заставляет тебя думать совершенно по-другому, образно-пространственно, развивает неплоское мышление». К слову, Наталья Александровна считает полотна с театрально проработанным сюжетом лучшими работами мужа.

Супруга художника шутит: «Выходила замуж за режиссёра – оказался партийным работником». Трудясь на административной должности, он вёл театральный кружок, потом работал в обкоме партии инструктором отдела агитации и пропаганды, долго занимался партийной работой именно в роли чиновника от культуры. Как специалист с профильным образованием он курировал работу творческих организаций: театр, кино, библиотеки, музеи, творческие союзы, входил в художественные советы. Нередко Александр Иванович выступал как режиссёр культурно-массовых мероприятий: ставил народные праздники на стадионах, делал живые панно. Хотя эта деятельность и принадлежала сфере искусства, времени на творчество для себя – на живопись – не оставалось. Возможность рисовать выкраивалась лишь в свободные часы, обычно ночью, или в редких перерывах, или в отпуске.

Порой Колодину приходилось профессионально растолковывать руководству специфику творческих процессов, защищать художников. В то же время, по его словам, именно на этой работе он как нигде больше столкнулся с недоброжелательностью людей искусства к коллегам: «Они писали столько друг на друга и такое! Я постоянно разбирался то с этой жалобой, то с тем доносом, но ничью сторону занимать не хотел». В конце концов подведомственные Колодину работники культуры написали коллективное письмо, в котором утверждали, что такой руководитель им не нужен: «В том письме было сказано, что я преследую их то

за одно, то за другое, даже за то, что они евреи, и прочая ахинея!» По словам Александра Ивановича, дело было в том, что он не давал возможности заполнить «халявные деньги»: «Допустим, – приводит он пример такого «заработка», – художника попросили разрисовать стену в сельском клубе. Он, ничего особо не придумывая, переносит на стену изображение с какой-нибудь открытки – и дерёт бешеные деньги за такую работу! Другой случай: поступил заказ сделать мемориал павшим в Великой Отечественной войне. Художник ставит вертикально бетонную плиту, к верхней её стороне крепит каску – и готов памятник! Это, по его мнению, скульптура, инсталляция на тему войны. Какая же это инсталляция?! Что же вы всех за дураков держите?! За что такие деньги?!» После многочисленных конфликтов на этой почве вместо Колодина курировать вопросы культуры поставили чиновника-электрика. «Вот и решение проблемы», – подытоживает Александр Иванович, смеясь.

В силу разных обстоятельств, после возвращения в театр и очередного ухода из него, в 1988 году Колодин перешёл работать в систему образования, став учителем рисования. «Там немного другой график, другая среда, больше свободы и времени, – объясняет Наталья Александровна. – Именно тогда он по-настоящему занялся творчеством, рисовал много и стабильно, а не между делом: то работа, то семья – всё недосуг было, только для себя и писал, урывками, иногда. Работая в школе, он развернулся талантом во всю ширь».

С наступлением «лихих» 90-х пришло время перенаправить искусство в коммерческое русло, рисовать «галантерею»: надо было чем-то кормиться. «10 лет стояли на улице, продавали картинки, – вспоминает Наталья Александровна. – Они у него влёт уходили! В неделю по 10 работ продавал». Ответ, почему живопись на продажу названа «галантерей», прост: рисовал то, что часто спрашивали, что заказывали. Обычно это были пейзажи, мелкие этюдные работы.

По словам Колодина, некоторые художники, торговавшие картинами рядом, советовались с ним и тем самым учились рисовать в беседах. Тем не менее, многие из них уходили продавать в другие места. «Всё просто, – объясняет Наталья Александровна, – смотрели картины у всех, а покупали в итоге у него. Волей-неволей отбивал у коллег клиентов!»

«Когда я там, на продаже, повстречался с одним художником, – делится Александр Иванович, – он спросил: “Почему я портреты хорошо рисую, а природу – леса, реки, горы – так хорошо, как Вы, нарисовать не могу?” Я объяснил ему: “Потому что я в лесу у гор родился. Это моё, родное. Твоё родное – это степь. Рисуй её – получится!”»

Действительно, лесным мотивам посвящена добрая часть художественного наследия Колодина. Хоть он и известен в первую очередь как экстравагантный художник, создатель сюрреалистических полотен, из-под его кисти ничуть не реже выходят пейзажи, в которых, по наблюдениям искусствоведов, ощущается влияние таких мастеров изображения природы, как Куинджи и Шишкин. Сам Александр Иванович относится к творчеству первого с большой любовью: «Например, смотришь ты и видишь: березка. Вот и ты её нарисовал – красиво, все и рады. А Куинджи нарисовал такие же берёзы – и картина светится! Он мог ухватить воздух и свет. Большинство же пишет лишь так, как видит. Смотрит такой художник большинства на человека – видит только портрет, пишет его, а душу портрета не видит, и зритель не увидит её тоже. Это очень сложно – увидеть душу

человека, а увидеть душу природы вдвойне сложней». С ним согласна супруга, считающая классиков русской живописи одним из корней колодинского таланта: «Куинджи у него любимый художник с юных лет. Когда бы речь ни зашла о живописи, он всегда говорит о нём. Не меньшую роль в формировании манеры письма сыграл Шишкин».

С 2000-х, когда острая необходимость продавать картины отпала, Колодин стал писать полотна преимущественно для себя, ради удовольствия и самовыражения. Отвечая на вопрос о цели творчества мужа, Наталья Александровна отмечает: «Мне кажется, художник сначала творит по наитию, а уже потом интерпретирует. Иногда я не понимаю, зачем он это делает, откуда оно идёт, но получается хорошо. Возможно, главный толчок к созданию картины – хочется высказаться».

Разноплановость – первая черта колодинской живописи, бросающаяся в глаза. В его работах прослеживаются многие жанры, техники, чувствуется влияние различных мастеров. Тем не менее Александр Иванович позиционирует себя как художника, никем не восторгающегося и ни на кого не равняющегося: «Художнику надо подходить к вещам трезво, без восторга. Равняться на кого-то – это тоже не то. Если я и восхищаюсь, то не художником, а его работой. Для меня художник – личность очень сложная: чтоб им восхищаться, его нужно знать лично. Например, я восхищаюсь Галымом Каржасовым и Ботой Машраповым. Хорошие, честные люди, ни на кого не писавшие доносов».

К слову, Александр Иванович любит вспоминать в разговоре других художников, своих современников: Бибина, Фридлина, Чёрного и многих других – рассказывать о непростых жизненных обстоятельствах художников в 90-е годы, о зависти, о доносах, о заключениях в советскую эпоху. «Когда я вижу картину, сделанную наскоро, – признаётся он в беседе о некоторых коллегах по мольберту, – я не воспринимаю её всерьёз. Таких художников в шутку называют мастерами широкой кисти».

Некоторые суждения Колодина о великих собратьях по кисти категоричны. Так, он недолюбливает Малевича («Малевич – малярь!»), который, по его мнению, стал знаменитым исключительно на волне моды, и превозносит Микеланджело: «Это не просто художник – такие рождаются раз в тысячелетие. Он чувствовал камень, его душу. Таких мало».

Другая отличительная черта живописи Колодина – поиск. По словам Натальи Александровны, педагог супруга в театральном институте всегда удивлялся, как он «умудрялся найти что-то эдакое»: «То он находил необычные пьесы модернистских авторов, которых никто не знал. То находил не менее необычных художников. Так он познакомился с творчеством Дали: чудом нашёл в публичной библиотеке информацию о нём и написал реферат. Дали его просто вышиб – настолько это было необычно! Потом был найден альбом с работами Босха». Несомненно, и тот, и другой оказали сильнейшее влияние на живопись Колодина, это хорошо видно по его картинам.

Наталья Александровна уверена, что залог высокого мастерства художника – обширное знакомство с мировой живописью: «Насмотренности классики – и русской, и мировой – в нём много, причём получена эта насмотренность не через музеи (в юности была возможность посещать только челябинский музей), а через журналы и книги. Когда мы познакомились, меня удивляло, как много он знает при том, что возможности изучать это у него практически не было. Он жил в

библиотеках, постоянно смотрел и пересматривал журналы и книги о живописи, конечно, лишь имевшиеся тогда в доступе – только советские».

По её словам, после открытия сюрреализма Дали и Босха, сыгравших ключевую роль в формировании манеры письма, были увлечения и жанром фэнтези в картинах Бориса Вальехо и Джулии Белл, и прерафаэлитами – всем в своё время: на каждом этапе жизни влияние оказывают свои художники, которым в текущий момент созвучна душа.

Отмечая разножанровость и стилевое разнообразие живописи Колодина, нельзя не задаться вопросом, что является объединяющим началом в творчестве этого необычного художника. Когда видишь его полотна на выставке впервые, может сложиться впечатление, что их написали разные люди. «Поиск себя, поиск своего я, – отвечает на вопрос Александр Иванович. – Пробуя разные техники, стили, жанры, создавая несколько вариантов одной и той же картины, я ищу. Себя я ещё не нашёл, это труднее всего».

Такое творческое кредо определяет подход художника к созданию картины. «Прежде чем прийти к замыслу, я делаю несколько эскизных вариантов на компьютере, сопоставляя предметы в пространстве полотна, – объясняет Александр Иванович. – Когда пользуешься компьютерными программами, сокращаешь время на подбор материала и составление композиции». Наталья Александровна указывает на другие важные принципы живописи супруга: «Во-первых, он никогда не пишет в плохом настроении. Во-вторых, на его картинах никогда не бывает прославления зла. Проповедь тьмы и беспросветности – это не наша тема. У Саши – добро, свет, надежда».

Картины Колодина, яркие, фантазийные, приглашающие разгадать их, всегда заставляют задуматься, будучи проникнутыми множеством образов-мотивов. Один из частых среди них – распахнутая дверь, символизирующая открытие. «Это постоянный мотив его живописи, – утверждает супруга художника. – Такая дверь есть у каждого человека».

Другой повторяющийся мотив, отмеченный искусствоведами, – дорога в разных её вариациях: трасса, тропинка, ступени. Этими образами художник хочет сказать, что у каждого свой путь: «Дорога – это рукотворный путь: асфальтированная, выложенная брусчаткой, плиткой. Путь – это нечто высокое, дорога – нечто земное. Дорога – философский образ. У неё, как у всего в мире, есть две стороны: левая и правая, начало и конец. Даже зло и добро – две стороны одной и той же дороги. Если же ты хочешь пойти по пути, а не по дороге, то будь готов, что он будет весь поросшим терновником. Чтобы достичь высот, нужно продираться, нужно быть раненым не раз. В терновнике живут всякие твари, к которым нужно быть готовым. Сквозь него каждый должен прокладывать свой путь к звёздам. Только проделав его, можно стать человеком».

На что обращают внимание дети, глядя на картины Колодина? По словам Натальи Александровны, они замечают, что на полотнах много сосудов. Что это значит? «Мы все сосуды, и мы есть то, чем мы себя наполняем. Сосуд бывает пустой, переполненный, наполненный до краёв, наполовину. Так же, как и человек: он рождается пустым, его наполняют, он меняется в течение жизни, обрастает трещинами, сколами, теряет ручку или ножку. Всё как у людей», – объясняет она.

Не реже в разных вариациях встречается в работах Колодина яблоко. Этот многогранный библейский символ толкуется автором в первую очередь как плод

древа познания добра и зла: «Когда его предложили Адаму, – замечает художник, – он отказался, испугавшись. Ева же не испугалась: она пожелала узнать, что же там, в другом мире, и это можно считать первой революцией в истории человечества».

Другая особенность колодинской живописи, в частности пейзажной, на которую обращают внимание искусствоведы, – это большая любовь к морю. Сам художник уверен: учёные судят по тем картинам, которые видели именно они, но это далеко не всё. По количеству написанных работ видно, что Александр Иванович испытывает куда большую любовь к лесу, нежели к морю. Море он видел один раз в жизни, уже взрослым человеком. «Море для меня – это прежде всего стихия, которую человек пытается оседлать, но до сих пор не смог этого сделать: даже огромные корабли тонут, – рассуждает он. – Кроме того, море создало человека; это колыбель жизни, мы выползли из неё. В наших жилах течёт солёная кровь, она сродни морской воде. Море притягивает и завораживает: в нём столько тайн, о которых мы ничего не знаем. Кажется, нам больше известно о том, что творится на Луне, нежели в Марианской впадине».

Если море – это стихия, тайна, колыбель, то что такое лес? С одной стороны, в живописи Колодина лес – это душа человека, точнее, важная её часть. У кого-то десятая часть, у кого-то сотая, но важная настолько, что без неё и человек не существовал бы. «Меня удивляет и огорчает, – сетует он, – что в нашу техногенную эпоху человек собственными руками уничтожает лес, отказывается от части своей души. Одни относятся к лесу, как к другу, товарищески, другие – как к врагу, потребительски. Хотя лес человеку родня. С другой стороны, для русского человека лес – это дом. Я родился в Сибири; там только выйдешь из дома – и кругом лес! Его я чувствую нутром».

Излюбленный приём колодинской живописи – оксюморон, соединение несоединимого, игра с образами, что весьма свойственно сюрреализму. По словам Натальи Александровны, нередко, когда художника захватывает поток сознания, он, соединяя всё больше и больше элементов композиции, может и заиграться, причём настолько, что картина становится негодной, и порой его приходится тормозить. «В натюр-мортах и пейзажах такого нет, это просто мастерство, – поясняет она. – Господь дал длинную жизнь, и можно экспериментировать. На заказ делать уже не надо (кормить никого не нужно: дети выросли), можно творить в своё удовольствие».

Искусство всегда немного состязание, и Колодину это не чуждо. «Порой он, увидев работу другого художника, говорит: “А я тоже так могу”, садится и делает, – выдаёт мужа Наталья Александровна. – Но такие картины – это забава. В тех, что придуманы им самим, отдыхает душа».

Творчество Колодина относят и к сюрреализму, и к космизму, и к пейзажной живописи. Как определяет свой творческий метод сам художник? «Я человек поиска, – отвечает Александр Иванович на этот вопрос. – Вот пример. Есть у меня картина, на которой я третий раз переделываю деревья, не могу ухватить той живинки в деле, о которой писал Бажов: делать что-то как только можно хорошо, лучше всех. Я этой живинки в деле, честно сказать, ещё не нашёл. Поиск себя – это поиск живинки в деле, где ты действительно хорош. Напишу картину – вроде неплоха, жене нравится, а сам смотрю и думаю: чего-то тут ещё не хватает». По его словам, разноплановость, разножанровость живописи – всё это тоже «поиск живинки в деле».

Александр Иванович уверен, что поиск – это и ошибки: «Пишешь картину, пишешь – смотришь: не получилось. Переписываешь, делаешь варианты, пробуешь. А иногда оставляешь как есть до поры: придёт время – буду переделывать. Вот их сколько! Так и висят», – сетует он, указывая на полотна, занявшие все поверхности квартиры.

Поиск – это и погоня за новизной. Колодин признаётся: найти новое в искусстве – что в театральном, что в изобразительном – очень хочется, но практически невозможно. Зачастую художник, отыскав удачный образ, повторяет его в последующих картинах. «Легко писать “на продажу”! – афористично изрекает он. – Я знаю одного художника, который пишет на полотнах книги. Они у него и летают, и ползают, на всех картинах книги да книги, в разных вариациях. Почему? Потому что хорошо продаётся. Он нашёл свою коммерческую колею и прёт по ней. Когда в неё попадаешь, это самое страшное, потому что с неё потом трудно сойти: просто так с неё вывернуть ты не сможешь. Это не для меня, поэтому я в постоянном поиске. Хочется найти свою “жемчужинку” в творчестве: ухватить картиной нечто такое, чтобы человек посмотрел – и замер. Хочется, но пока не нашёл».

Несмотря на пёструю страстность и фантазийную вычурность художественной манеры, Александру Ивановичу свойственно философски спокойное отношение к судьбе: «Я не могу сказать, что жизнь была ко мне несправедлива, хоть и было в ней всякое. Я прошёл через многое и смог остаться человеком. Благодарю за это судьбу несмотря ни на что». Благодарность, радость жизни, её избыточная полнота – ещё один мотив, объединяющий полотна Колодина, такие лукаво-привлекательные в игривом разнообразии, что современникам, вероятно, предстоит ещё долго истолковывать их неисчерпаемую глубину.

